

Пойду я в чистое поле, есть в поле белый крикун.
Нелегко его найти, да легко увидеть. Перья его
что солнце сияют, путь мой озаряют. Попрошу
я белого крикуна: слетал бы он в чистое поле, в си-
не море, в крутые горы, в темные леса, в зыбучие
болота. И попросил бы он окаянную силу, что-
бы дала она помощи, открыла завесу передо
мною. Слепа я, не вижу, да хочу увидеть.
Узнать, что будет, что ждет меня. Жизнь ли,
смерть ли, любовь ли ненависть, путь трудный
или спокойствие...

Сей бы белый крикун на белую грудь да послал
мне сон всевидящий. Как мать быстра Нейра бе-
жит, как пески с песками сползаются, как ку-
сты с кустами свиваются, травы с травами сроста-
ются, так и я нашел бы во сне успокоение или
предостережение.

И пусть сон мой будет таким, каким есть,
ни хуже, ни лучше...

ЕЛЕНА СЧАСТНАЯ

ВОИН
ЗАБВЕНИЯ
ГРАНИТНЫЙ ЧЕРТОГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С93

Елена Счастливая
ВОИН ЗАБВЕНИЯ.
ГРАНИТНЫЙ ЧЕРТОГ

Иллюстрация на обложке *Ольги Есиной*
Дизайн обложки *Екатерины Климовой*

Счастливая, Елена

С93 Воин забвения. Гранитный чертог: [роман] / Елена Счастливая. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 448 с. — (Фэнтези славянского мира. Русский взгляд).

ISBN 978-5-17-152867-6

В детстве Млада пережила страшную трагедию — набег жестоких вельдов, которые убили всю ее семью и сожгли деревню. Месть стала целью жизни девочки, и со временем Млада превратилась в искусную наемную убийцу, без жалости и страха. Она отправляется в стольный Кирият, чтобы вступить в дружину князя Драгомира и настичь тех, кто погубил ее род. Но древнее колдовство, связанное с тайной ее прошлого, грозит разрушить ее планы. Сможет ли Млада исполнить свой замысел — и найти в Кириате нечто большее, чем возмездие?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-152867-6

© Е. Счастливая, 2012
© ООО «Издательство АСТ», 2023

пролог

Капище горело жарко. Дубовые идолы еще не занялись пламенем, но сухую траву между ними оно уже почти совсем сожрало. А истуканов огонь только оглаживал понизу яркими всполохами, будто не решался взяться в полную силу. Лики богов от грядущей опасности ничуть не менялись. Они так же неподвижно смотрели в пустоту или бесконечность, прошлое или будущее. Так казалось со стороны. А подойди ближе — глянут точно в самую душу.

И, зная, им не понравилась бы та чернота, которую они увидели бы в душе Корибута. Впрочем, ему уже давно стало все равно, что могли бы подумать о нем боги, если бы вдруг их хоть на мгновение обеспокоили земные дела и заботы людей. Но им все нипочем.

Корибут спрыгнул с коня наземь и бросил поводья подоспевшему ватажнику. Остальные всадники нагоняли его со спины. Пешие и вовсе поднимутся к обрыву нескоро. А пока лишь свет их факелов сквозь вечерний полумрак метался вниз. Корибут, придерживая на поясе меч, прошел по тропе между охваченных дрожащими отсветами пожара

сосен. Яростный ветер вздыбил плащ за спиной и бросил в лицо горячую волну от капища.

— Куда ты один, владыка? — запоздало крикнули вслед. — А вдруг стрела...

Не посмеют. Страх не позволит вскинуть лук и натянуть тетиву. Они считают его чудовищем — кошмарным и несокрушимым, как те, которых он призывал. И боятся наказания. Почти все.

Древнеры, те, кто остался в живых, толпились у подножий своих деревянных покровителей. Искали защиты, но, верно, знали, что не найдут ее. Лишь дойдя до капища, Корибут понял, что здесь вовсе не все сбежавшие из деревни. По всему, женщин и детей с частью воинов древнеры отправили в другую сторону. Тайными тропами, которые знал только их род. А его с приспешниками завели сюда. Только эти последние уловки уже никого не спасут.

Впереди, будто пытаюсь заслонить собой потрепанных, но все еще могучих воинов, стоял волхв. Его посеревшая от пыли и копоти рубаха до пят под порывами ветра облепляла тщедушное старческое тело. Седая борода с застрявшими в ней иголками и древесной трухой мела по груди. Но узловатые пальцы все так же крепко сжимали сучковатый посох с хитро изогнутым навершием.

Корибут сделал еще шаг и остановился. Выло пламя, стонало горящее дерево занявшихся идолов. Древнеры, продолжая держать бесполезное оружие, боязливо озирались и вздрагивали. Их слишком мало.

Волхв выпростал перед собой руку.

— Гнев богов не минует тебя, Корибут! — крикнул он на удивление молодым голосом. Мужики за его спиной приободрились. — Одумайся, если еще можешь!

— Гневом богов можешь пугать трусливых псов, что еще селятся тебя защитить, старик. А мне он безразличен. Им не дотянуться до меня. Уже не дотянуться.

Волхв глубже воткнул посох в землю, словно искал опоры. Обеспокоенно он посмотрел поверх плеча Корибута. Значит, из леса уже показались ватажники. А через миг добежешь и глухой стук копыт.

— Нет, Корибут. Из той тьмы, в которую ты добровольно зашел, тебе не разглядеть всего, что творится вокруг. Забвение застилает тебе взор. Ты мнишь себя равным богам, но только возишься в пыли у их подошв. И будешь раздавлен.

— Так или нет, тебе уже не суждено увидеть. Ни тебе, ни твоему племени. Я достану каждого из выживших. И они пожалеют, что не подошли раньше, еще до того, как задумали предать меня.

Корибут махнул рукой вперед, давая войску приказ наступать. Скорей бы покончить с этим.

Притихшие было позади воины снова хлынули к капищу, которое уже совсем поглотило пламя. От жара стоять рядом становилось решительно невозможно. Древнеры оцетинились оружием, вдруг позабыв про страх. Предсмертное отчаяние может вытеснить из души и его. Тогда мужи бросаются в бой с особой яростью, даже зная, что победить не смогут.

Волхв со спокойной улыбкой гордого отца окинул их взглядом и снова повернулся к Корибуту.

— Ты будешь последним мужем из своего рода, — размеренно и зычно проговорил он. — После тебя не родится мальчиков ни у детей твоих, ни у их детей и дальше. Твоя кровь смешается и растворится в другой. И память о тебе угаснет, как забывается заживший нарыв. Ветер развеет в пыль твой дом, земля поглотит твои кости. Камнем обратится твоя душа. Но не будет тебе покоя. И бессилен ты будешь родиться вновь.

Словно замедлили ход всадники, что еще миг назад пронесли мимо в неистовой скачке. Стихли крики и рев разгоряченных воинов. Замерло пламя, бушующее за спиной волхва, и глянули последний раз идола поверх него, чтобы пропасть насовсем, обратиться тлеющими головнями и золой.

Старик взмахнул в воздухе посохом, вычерчивая мудреный знак, который на мгновение вспыхнул светящейся полосой, как подброшенная вверх лучина, и погас.

Ринулись в бой древнеры. Первых тут же сбили с ног стрелы, другие и не взглянули на погибших родичей. Они заберут с собой многих, до кого дотянутся мечами и топорами. Но и сами все полягут здесь. На глазах своих богов, которые не сумели их уберечь.

Иссеченное морщинами лицо волхва еще мгновение мелькало среди остальных, искаженных яростью и безумием последней схватки. А потом пропало: то ли убила старика случайная стрела, то ли он прыгнул в пламя. Но когда Корибут, вынудив на ходу меч, прорубился к тому месту, где тот стоял, то никого не нашел.

Показалось только, что хрипло каркнул над головой ворон.

Прозвучал вдалеке, за опушкой, рог. Знакомый то был звук — с ним выходил на охоту младший брат Корибута со своими ближниками. Он спешил на подмогу погибающим древнерам, но, как ни торопись — не успеет. Ватажники смешались, дрогнули, выискивая глазами предводителя — какие будут приказы? Он ничего не сказал. Лишь, сняв перчатку, приложил руку к земле. Пальцы провалились в податливую, словно теплая смола, ткань Забвения. Воздух задрожал, но не от дыхания огня, что веселился на остатках капища. Расползся в стороны мрак наступающей ночи, из прорехи хлынула наружу еще более страшная тьма, а вслед за ней — рык тварей, что там прятались.

— Хоть кто-то отступит — окажется там, — провозгласил Корибут изменившимся голосом, указывая на вздрагивающий проход между мирами.

И какой бы жуткий гомон ни стоял кругом, его слышали. Ночь будет длинной.

ГЛАВА 1

С самого рассвета на задворках «Холодной кружки» творилась полная неразбериха. Толпились обозы, готовые выезжать, и те, что только прибыли на постой. Возницы переругивались, то и дело замахиваясь друг на друга хлыстами, а увещевания Челака, хозяина постоянного двора, их вразумить никак не могли. До ушей-то долетали вряд ли. Мужики, пыльные и потные с дороги — такая жара стоит, ведь бабье лето разгулялось в полную силу — злились все больше. Купцы оставили свой товар на их попечение, а сами, небось, уже всю прохлаждались в харчевне. Что потеряешь или попортишь — заплатишь сполна.

Челак метался между телегами ну точь-в-точь хлопотливая большуха между внуками — и каждого боялся обидеть. Большой Торг в столице княжества Крияте, лежащей много севернее — дело нешуточное. Даже в отдаленных деревнях, таких как Пастерна, чувствовалось его приближение. Навар с постояльцев рос — значит, зима не будет голодной. Но всех надобно уважить. Проезжих обозов становилось непомерно много, как и хлопот, а вот рук у хозяев харчевен и постоянных дворов оставалось, как и прежде, по две.

Потому Млада перестала торопить Челака: сначала она неспешно ходила за ним, время от времени о себе напоминая, а потом и вовсе остановилась под навесом, в теньке. Хотя и скинула плащ, а в кожаном нагруднике поверх рубахи все одно спечешься. Отправляться дальше она намеревалась только завтра. А значит, можно и подождать.

Кое-как разместив повозки с товарами на забитых до-нельзя задворках, Челак приказал подручному писарю сделать последние пометки и огляделся. Теперь вокруг был хоть какой-то порядок. Возницы, охрипнув от ругани, разошлись, лошадей и волов уже начали обиходовать расторопные мальчишки — за пару медяков и напоят, и корма натаскают. Хозяин удовлетворенно вздохнул и собрался было вернуться в «Кружку». Но заметил Младу и снова помрачнел.

— Так купишь мою лошадь, Челак? Или что? — она отошла от опоры навеса, к которой до того прислонялась плечом.

— Я тут подумал, зеленоглазая... А так ли нужна мне твоя лошадь? — отмахнулся тот. — К тому ж с треснувшим копытом.

— Да разве это беда? А в том, что ваш кузнец-тихоня сызнова подковать ее сейчас не может, не моя вина.

— А ты видишь, что у нас творится? — Челак махнул рукой себе за спину. — Да леший ногу сломит! Еще со дня на день мытник княжеский приедет, с кметями. Запропастился где-то. Тож морока. Староста уже всю плешь проел.

Будто в подтверждение своих слов он провел ладонью по блестящей на солнце лысине.

— Моя какая забота? — Млада сделала шаг к нему. — Ты мне что сказал? Что лошадь возьмешь. И о цене мы сговорились. Хорошая лошадь-то.

— Кто ж спорит... — Челак опасливо на нее покосился. Взглянул и на меч у пояса, и на скрамасакс в ножнах с другой стороны. — Но ты подожди. Вот утрясется все...

— Да не могу я ждать. Мне до Кирията немного осталось, а я тут с тобой ласы точу весь день.

Надо же было случиться тому, что у ее кобылы треснуло копыто как раз недалеко от этой проклятушей деревни, где в преддверии Торга и другой не раздобудешь, и подковы новой не дождешься. Да и все одно на той лошади до города не доехать, ей теперь отдых нужен. Хозяин предыдущего постоянного двора о том, чтобы кобылу выкупить, и говорить не захотел. А Челак вроде согласился — да только все тянул с деньгами, ссылаясь на бесконечные заботы.

Скорей бы уж добраться до Кирията — благо и пешком дойти теперь можно. Там, коли все удастся, как задумано, будет и лошадь, и кров, и спокойный сон по ночам. А не та тяжелая дремота, когда не столько отдыхаешь, сколько пытаешься хоть краем уха уловить подозрительные шорохи; и в каждом треске ветки чудится опасность, заставляя вскакивать и хвататься за штанину, пустующую без привычного чехла с кинжалами.

— Вечером приходи — заплачу, — Челак вымученно улыбнулся. — А теперь иди, иди, зеленоглазая. Поешь чего, что ли.

— Ну, смотри, Челак. Не обмани.

Откинув с плеча за спину тяжелую косу, Млада одарила хозяина последним угрожающим взглядом и вернулась в шумную харчевню. Здесь уже разместились только приехавшие купцы вместе со своими ватажниками. Еще чуть-чуть — и будет не протолкнуться. В плотном воздухе лишь иногда прокатывались прохладные волны, когда кто-то открывал входную дверь.

Млада не собиралась тут задерживаться. Она хотела было подняться в свою комнатенку, но краем глаза увидела в зале знакомое лицо и невольно остановилась у стойки, за которой хлопотал старший сын Челака. Роба та ничего хорошего не сулила.

За столом у окна, будто бы ничуть не таясь, сидел герзак, человек, следящий за тем, чтобы никто из Гильдии арияш* не нарушал ее правил. И вряд ли он оказался тут случайно. Млада покинула южный Ариван с луну назад, никому о том не сообщив. Она не собиралась скрываться или идти против Кодекса, но, зная, урхас** решил все доподлинно проверить. Одноглазый посыльный, наклонившись над своей тарелкой, в которой дымилась какая-то снедь, неподвижно глядел на Младу и ждал. Он знал, что нужный человек его увидит. Но вот уж в этой стороне его хотелось видеть меньше всего.

Она неспешно подошла и села напротив герзака, махнула подавальщице. Та, кивнув, мигом принесла и поставила перед ней запотевшую кружку с квасом. Название двора не обманывало: она и правда была холодной, аж пальцы сводило. Млада сняла перчатку и, проведя ладонью по ледяному боку, подняла взгляд.

— Ты, Равдан, зря тратишь время, чтобы следить за мной.

Белобрысый герзак усмехнулся и отправил в рот ложку с тушеной капустой, смахнул с бороды рассол.

— А ты, красавица, не сбегай, — прожевав, сказал он.

— Я не сбегала.

— Да ну? Тогда твоя прогулка на север затянулась.

— У меня в Кириате дела, — Млада отпила кваса. По горлу приятно разлилась прохлада. — А вот у вас пока ко мне дел нет.

— А коли будут? — Равдан прищурился.

— Разве я против? Я покамест останусь в Кириате — там меня и найти сможете, если понадобится. Вот только по пятам за мной ходить не надо.

* Арияш — (арив.) наемный убийца, член Гильдии, основанной в Ариване много сотен лет назад. — *Здесь и далее прим. автора.*

** Урхас — (арив.) управляющий Гильдии арияш.

— Что поделаться... Ты у урхаса на особом счету. Если не секрет, зачем тебе в Кирият? Гляжу, приделась, точно воин. Только, слышал я, в здешних местах воительниц не водится.

Млада поразмыслила. И отвечать ей не хотелось, и особой тайны в ее намерениях не было. В кой-то веки она решила пойти по честному пути — судить ее не за что.

— В дружину княжескую хочу попасть.

Одноглазый удивленно вскинул брови и коротко хохотнул.

— Тебе мало денег, которые ты получаешь от Гильдии? Аль мужиков вокруг мало? Зачем в дружину? Кабала да и только.

— Должок отдать надо. Давний.

Герзак перестал нахально улыбаться и помолчал, постукивая ложкой по столу.

— Не мое это дело, Млада, и больше допытываться я не стану. Но пусть протухнут мои кишки, если я хоть раз такое встречал. Чтобы арияш рвался на княжескую службу... — Он снова громко хмыкнул. — Ты, главное, без глупостей. Кто знает, что у вас, баб, в головах творится. Сущий же мрак!

Герзак ткнул Младу пальцем в лоб, пытливо всматриваясь в ее лицо единственным глазом. Несмотря на шутливый тон, она прекрасно расслышала в его словах угрозу. Но напоминать о возможной расплате большой надобности не было: она и так знала все постулаты Кодекса — хоть ночью разбуди. Гильдия не просуществовала бы так долго, если бы не строгие правила, за нарушение которых очень часто грозила смерть.

— Не беспокойся.

Млада встала, бросила на стол несколько медяков и ушла. Сидеть рядом с герзаком, который чуть что без раздумий решит с ней расправиться, радость та еще.

Кирият еще издалека встретил Младу гомоном сотен голосов, который вырывался из открытых ворот городской стены. Сюда по Южному тракту и каменному мосту, перекинутому через размеренно текущую Нейру, на Торг без конца съезжались повозки и целые обозы. Да и затеряться среди пеших путников сейчас было проще пареной репы. Надвинув сильнее капюшон плаща, что нынче защищал от солнца, а не от холода, Млада вошла в посад. Удостоилась только беглого взгляда стражника из тех, что проверяли каждого прибывшего торговца и записывали привезенные ими товары на вощенные дощечки. А до нее им интереса нет: в тощем заплечном мешке ничего не спрячешь.

В иссушенное ветром и солнцем лицо дохнуло воздухом, тягучим и пряным от жары, смеси запахов конского пота и свежих опилок, пыли и горячего хлеба. Млада огляделась в поисках пекарни, но среди почти одинаковых невысоких, большей частью деревянных домов ее не нашла. Нутро жалостливо отозвалось голодом. Стоило бы найти место, чтобы остановиться и поесть, но в сутолоке, что началась сразу за воротами, сложно было пробраться куда нужно.

Жизнь в посаде кипела. По улицам туда-сюда сновали люди: одни громко переговаривались, другие спешили по своим делам или на Торг. Среди горожан мелькали хитроглазые мальчишки, наверняка не упускающие случая стащить у зазевавшегося путника кошелек с монетами — стоит держать ухо востро. Возница, управляющий телегой, откуда почти валялись пузатые тюки, гикнул, заставив отпрыгнуть в сторону. Хмурые волы протопали мимо, таща за собой рискующую опрокинуться ношу. Млада постояла немного у обочины и, проводив недобрым взгля-

дом наглого возницу, двинулась вслед за гомонящим потоком людей.

Ее толкнули в плечо один раз, потом другой — сильнее. Уворачиваясь и петляя, незаметно для себя Млада оказалась в самой гуще Торга. Вот уж куда совсем не собиралась. Поняла она это, только когда, отряхивая плащ от муки, вышла в торговые ряды. Здесь оказалось гораздо просторнее: люди неспешно прогуливались, разглядывая пестрящие разнообразием прилавки. Другие остервенело торговались, стараясь перекричать соседа. Духота падала тяжестью на голову.

Млада скользнула взглядом по лотку проходящего мимо булочника, хотела остановить его, но тут за спиной гаркнул мужской голос:

— Эй! Да ты што, холера! Обмануть меня решил? Да этому хомуту красная цена три гроша!

— Три гроша, знашь, куда себе засунь... — не остался в долгу торговец с загорелым лицом и лихо топорщащимися усами. — Не ндравится — отойди, не загораживай своим брюхом товар! На кой тебе хомут? На тебе самом пахать впору.

— Да супонь же тоща, как сопля! — не унимался покупатель, утирая с покрасневшего лба пот. — Войлока тож пожалел, сквалыга. И не стыдно же тебе людям головы морочить!

— Сгинь с глаз моих, злыдень...

Млада не дослушала разговор о недостатках хомута и отошла, потирая звенящее от хая красномордого покупателя ухо. Тем временем лоточник с выпечкой уже куда-то убежал.

Сияясь найти хоть какой-то выход с Торга, Млада не пыталась протолкнуться к прилавкам и шла, придерживая кошель на поясе и разглядывая товары издалека. Повяло восточными пряностями, но тут же их аромат перекрыл резкий запах дегтя. Рябило в глазах от вышитых платков, развевающихся на легком ветру, витых гривен, от монист из само-